

Новая Жизнь

Комиссия по амнистии, избранная Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным, считает долгом своим обратить внимание русского общества на безвыходно-тяжелое положение наших политических эмигрантов. Разбросанные по разным городам Западной Европы и Америки, многие без знания языков, они были лишены возможности выдерживать конкуренцию местных обывателей, почему в подавляющем большинстве случаев и раньше испытывали крайнюю нужду. Теперь положение их ухудшилось: распались многие организации, где они имели кое-какой заработок, закрылись некоторые учреждения. Поспешили вернуться на родину, пользуясь указом об амнистии, те из товарищей, которые имели на это средства. Легко понять отчаяние оставшихся на чужбине с сознанием, что отсутствие каких-либо средств обрекает их на долгое пребывание вне родины, и только оно воспрепятствует вернуться к близким, к родным, к своему народу. Их сотни. Помощь нужна значительная и безотлагательная. Деньги принимаются в комиссии по адресу: Спб., Сергиевская ул., д. 13. Помещение совета присяжных поверенных.

Вследствие непредвиденного тиража и в виду отсутствия запасов соответствующего качества бумаги в Петербурге, газету приходится временно печатать на менее плотной бумаге, в чем контора "Новой Жизни" извиняется перед подписчиками.

С.-Петербург.

2-го ноября.

Россия и Польша.

Делу освобождения России грозит новая опасность. Вся Польша объявлена на военном положении, и эту свирепую меру правительство оправдывает тем, что поляки якобы стремятся к отделению от России.

Это, прежде всего, фактически неверно. С самого начала русско-японской войны в Польше усилилось революционное движение, как и во всей, впрочем, России.

Вопрос об организации народного восстания для восстановления самостоятельной Польской республики был тогда поднят и решен отрицательно всеми польскими партиями, не исключая и националистской Польской Социалистической Партии (Polska Partja Socjalistyczna), в программе которой есть требование независимости Польши. С тех пор отношение к этому вопросу не изменилось. Ни одна польская партия не ставит теперь своей ближайшей задачей отделение Польши от России. Поляки добиваются только автономии, т. е. права иметь свой сейм, издающий местные законы и ведающий местными делами, свой суд, свои школы и, конечно, право иметь свой язык. При этом, разумеется, поляки не отказываются ни от участия во всероссийском парламенте ни от подчинения всероссийской конституции.

Политическая забастовка, которую польский пролетариат выдерживает уже три недели, и те народные демонстрации, на которые указывает правительственное сообщение о введении военного положения в Польше, служат средством добиться именно автономии. Движение носит, по существу, мирный характер. И если бывают столкновения демонстрантов с полицией и войсками, и проливается кровь, то нападающей стороной являются именно полиция и войска, а не революционеры. Признаков вооруженного восстания с целью отделиться от России до сих пор в Польше не было.

Ясно, что от автономии, которой требует польский народ, до государственной независимости Польши — дистанция огромного размера. И правительство понимает это, конечно, не хуже нас. В чем же, в таком случае, дело? Зачем понадобилось обрушить гнет и ужасы военного положения на целый культурный край?

В самом правительственном сообщении есть намек, указывающий, где надо искать ответ на поставленный выше вопрос. Вспоминаются шестидесятые годы. Польское восстание 1863 г. послужило могильным камнем для освободительного движения тогда еще юношески-наивного в политике русского народа. Поднялась волна "патриотизма", вынесла на поверхность политической жизни Каткова с его "Московскими Ведомостями" и захлебнулась немногочисленных еще тогда борцов за свободу. Началась реакция, упорная и кровопролитная борьба с которой продолжалась до наших дней.

Уже не хочет ли правительство повторить урок истории? Не даром наша нейтральная пресса и наши "патриоты" всех оттенков, начиная с "гражданина" Мещерского и кончая членами "партии правового порядка"

исходе. Появление идеи (хотя и изуродованной применительно к ее носителям) Временного Правительства в политическом кругозоре непродетарских и ненародных партий только обостряет вопрос о его действительном характере. Здесь мы только мельком можем остановиться на характере и задачах Временного Правительства Витте, Струве. Выдвинутое, как попытка реально использовать созданную пролетарской борьбой и кровью дезорганизацию самодержавной монархии, чисто буржуазное Временное Правительство есть вместе с тем попытка обеспечения „порядка“ в рамках узко-классовой конституции. Взятое же со всеми своими атрибутами — городской милицией и пр., оно явно представляет буржуазную форму контр-революции, которая при своем осуществлении сменит явно опасную для буржуазии полицейски-погромную ее форму.

В самом деле — каковы задачи этого правительства, как они намечены „Русью“: 1) подавление анархии, 2) осуществление Государственной Думы. Дело ясно: буржуазия находит, что борьба народа с существующим режимом дошла до предела, переход за который грозит осуществить действительное „народокастие“, и потому стремится фиксировать ее на данной точке. Подавление революционного движения средствами более европейскими, чем разгул черных сотен, хотя и не исключающими расстрел рабочих, и введение кунной конституции — порядок и собственность — иной и не может быть программа того Временного Правительства, которое получает жизнь не от „улицы“, а от согласия торгующегося г. Витте. Молчание „улицы“ при образовании такого Временного Правительства значило бы, что российский пролетариат сыграл еще раз в мировой истории, роль иста буржуазного строительства, роль пушечного мяса, роль политического Иванушки-Дурачка, достающего каштан из огня для враждебной ему силы.

Но поздно! Революционный социал-демократический пролетариат пойдет во главе „улицы“, чтобы свергнуть Временное Правительство либеральных помещиков и фабрикантов. Он будет поддерживать только такое Временное Правительство, которое, созданное на площадях и улицах городов и деревень, поведет его к полному народовластию и созвет не Государственную Думу, а Всероссийское Учредительное Собрание, и под контролем „улицы“, а не охраняемое от улицы „национальной гвардией“ буржуазии.

Гарантировать отволакивание путем отнятия власти у правительства Витте — это задумано недурно и во всяком случае умнее, чем попытки проветить Витте насчет истинного конституционализма, но задумано без хозяина. Решительность русского либерализма созревает всегда слишком поздно и потому всегда отдает дилетантским запахом. Дальнейшее развитие освободительного движения сделает так же Временное Правительство, этот опыт буржуазно-либерального торможения революции, таким же несовременным, каким оно сделало опит бюрократически-полицейский, блаженной памяти Булыгинскую Думу. Дело будет сделано, но mit ein bischen ändern Worten.

Юр. Каменев.

Маска сброшена.

Правительство Витте наконец-то заговорило. Заговорило оно не туманными фразами о народной пользе, о будущих свободах, о благе родины, а определенными, не поддающимися никаким кривотолкованиям, действиями. Давно пора. В чем же заключаются эти действия, каково первое „открытое выступление“ первого „конституционного“ министерства?

Оно старо, как стары вообще все приемы нашей бюрократии! „Для восстановления порядка весь Привислинский край временно объявляется на военном положении“ — скромно говорит правительственное сообщение. Еще не высохли чернила, которыми подписывались акты о гражданской свободе, о конституционных гарантиях, как десятиллионное население отдается во власть военных властей, не раз показавших свои доблести на площадях и улицах всех городов России.

„Конституционное“ министерство Витте оказалось решительнее, чем „самодержавное“ министерство Трепова. Трепов объявлял на военном положении только отдельные города и губернии, а „либерал“ Витте, призванный к проведению в жизнь царских свобод, без всякого стеснения целых десять губерний за раз ставит вне даже русских законов, в полное хозяйничанье доблестных генералов.

Для революционного пролетариата все это не новость!

Пролетариат всегда хорошо знал цену правительственным обещаниям! Он никогда не сомневался в качестве „даруемых“ реформ! Не раз уже „либеральные“ реформы аккомпанировались ружейными залпами, свистом нагаек, воплями избиваемых и истязуемых граждан. Не первый раз правительство дает доказательство своей „искренности“ и „доброжелательности“. Пусть примут во внимание это новое доказательство „доверия“ к обществу со стороны царских чиновников доверчивые либералы, так часто топчущие с ходатайствами пороги министров.

Революционный пролетариат никогда не сомневался, что „даруемые“ свободы есть новая попытка отвести освободительную борьбу народа от единственного верного — революционного пути — к осуществлению полного народоустройства!

Революционный пролетариат всегда предупреждал легковерных граждан от увлечения крохотными завоеваниями, которые никогда не могут быть прочными до полной победы народа, до полного перехода власти к народу!

России обещали право участия граждан в издании законов, обещали прочный правопорядок, а на деле 10 губерний объявлены вне закона, отданы в полное распоряжение военного диктатора.

Еще вчера России обещали свободу союзов и собраний, а сегодня граждане десяти губерний лишены не только права собираться, но и права передвижения по улицам городов без разрешения военных властей.

России торжественно обещали неприкосновенность личности — на деле это воплотилось в свободное разгуливание казацкой плети по спинам граждан, в полное господство военных судов, вешающих граждан в 24 часа, в провокатарские убийства передетыми чинами полиции, нежелательных правительству лиц и т. д. и т. д.

Таковы обещанные реформы! Таково первое выступление нового „конституционного“ министерства!

Маска сброшена!

Для нас ее и не было. Мы всегда указывали, что только полное народовластие может установить действительный правовой порядок, действительную свободу. Только вооруженный, победоносный народ может поддержать эту свободу от всяких реакционных поползновений!

Революционный пролетариат, идущий под знаменем социал-демократии, всегда это говорил и всегда звал в свои ряды всех истинных друзей свободы, всех не боящихся народовластия, для решительной борьбы с уже разлагающимся режимом.

Кто еще сомневался в выборе между Витте и революционным народом, теперь уже сомневаться не может! Действительную свободу установить может только народ, во главе с наиболее революционным классом — пролетариатом.

Сомкнитесь же, друзья свободы, под его знаменем!

Б. Радин.

Об организации.

К вопросу о Совете Рабочих Депутатов.

В партийных организациях в течение последней недели горячо дебатировался вопрос о Совете Рабочих Депутатов. Пока продолжалась всеобщая стачка, Совет играл роль стачечного комитета и положение его было вполне ясным. Но теперь, по окончании стачки, возникает ряд вопросов: должен ли С. Р. Д. продолжать существовать или он должен объявить себя распущенным? Если он не считает последнее целесообразным, то какова должна быть его дальнейшая роль: должен ли он быть организацией профессиональной или политической, и если политической, то должен ли он определить свое отношение к политической организации рабочего класса, к Р. С. - Д. Р. П., должен ли он стать под знамя нашей партии? Мне кажется, что вопрос о том, продолжать ли С. Р. Д. существовать или объявить себя распущенным, может быть решен лишь после выяснения вопроса о тех задачах, которые может ставить себе Совет Депутатов, лишь после выяснения вопроса, политическая ли или профессиональная организация С. Р. Д.

Желательно ли с точки зрения интересов рабочего класса, с точки зрения Р. С. - Д. Р. П., чтобы С. Р. Д. был политической организацией? Если С. Р. Д. признает себя политической организацией, то пред ним станет вопрос: социал-демократическая ли он организация и должен ли он стать под знамя Р. С. - Д. Р. П. или нет? Если вопрос будет решен отрицательно, то социал-демократы, которых в Совете довольно много, — пожалуй, даже с примыкающим к социал-демократии большинство, — должны будут выйти из Совета, так как С. Р. Д. становится тогда новой — не социал-демократической, рабочей партией, а у социал-демократии уже есть своя партия, которую они считают и не могут не считать единственной истинной выразительницей интересов рабочего класса. Но если социал-демократы выйдут из С. Р. Д., то он перестанет

существовать как Совет Депутатов всех рабочих Петербурга, так как значительная часть пролетариата, и притом наиболее сознательная часть, не будет в нем участвовать.

Но если при обсуждении вопроса о том, представляет ли С. Р. Д. социал-демократическую организацию или нет, вопрос этот будет решен в положительном смысле, Совет Раб. Деп. должен объявить себя распущенным, так как дальнейшее существование его станет излишним, социал-демократическая организация рабочего класса уже существует — это Р. С. - Д. Р. П.

Некоторые товарищи полагают, что желательно было бы, чтобы С. Р. Д. продолжал временно существовать как социал-демократическая организация, до реорганизации нашей партии, которая открыла бы широкий доступ рабочим массам в свои учреждения. До сих пор, благодаря условиям конспиративной работы, партийные организации были по необходимости очень узки, теперь большинство товарищей рассчитывают, что есть возможность значительного расширения рамок партии, и, пока эта задача не будет выполнена, С. Р. Д. будет заменять, по мысли некоторых товарищей, широкую партийную организацию. Словом, С. Р. Д. должен существовать, по мнению этих товарищей, параллельно с существованием организации Петербургского Комитета и Петербургской Группы Партии. При таком сосуществовании С. Р. Д. как организация выборная, связанная с широкими массами рабочих, необходимо отодвинет на задний план существовавшую до сих пор организацию Петербургского Комитета. Желательно ли это? Мне кажется, что на этот вопрос С. Р. Д. может дать лишь один ответ: безусловно нежелательна организация, не проникавшаяся социал-демократическим сознанием. Если существующая уже социал-демократическая организация будет отодвинута назад социал-демократическим „Советом Рабочих Деп.“, то это приведет лишь к понижению темпа социал-демократической борьбы и, принижению сознательности пред стихийностью.

Итак, С. Р. Д. как политическая, не социал-демократическая организация существовать не должен, и социал-демократы должны выйти из него, так как его существование может вредно отразиться на развитии социал-демократического движения.

Совет Рабочих Деп. может существовать как профессиональная политическая организация или не должен существовать вовсе. Как профессиональная организация Совет может иметь большое значение, сплачивая в одну организацию всех рабочих пролетариата, ведя агитацию за организацию на заводах профессиональных боевых кас и во время стачки являясь стачечным комитетом. Как профессиональная неполитическая организация С. Р. Д. может сыграть крупную роль в смысле сплочения петербургского пролетариата.

С этой точки зрения, голобование в С. Р. Д. по данному вопросу должно вестись таким образом:

1) Желательно ли сохранение С. Р. Д. в рамках профессиональности и развитие его в петербургский профессиональный центр? С точки зрения, изложенной в этой заметке, следует ответить: да. Если собрание постановляет, однако, что С. Р. Д. — организация политическая, то встает второй вопрос:

2) Должен ли С. Р. Д. быть организацией социал-демократической? Ответ: да. И, наконец, последний вопрос:

83-12

83-12

ИСПАРТ

ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
И.С. ГУКОВСКОГО И В. СМИТТЕН

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№ № 1 — 7

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД — 1925